

Р.Г. Апресян

Проблема моральной обязательности у Юма

Обсуждение доклада

Л.В. Максимов

Я хотел бы высказаться по поводу той интерпретации «принципа Юма», которая дана в статье Рубена Грантовича и на основании которой он счел возможным поставить, как он пишет, исследовательскую задачу – проверить сам юмовский «Трактат» по мерке этого «принципа». В той части «Трактата», которая посвящена морали, Юм поделился с читателями наблюдением о том, что во всех этических учениях авторы рассуждают сначала о мире, Боге, человеке, т.е. о сущем, а затем вдруг в их текстах возникает «должное», т.е. высказываются уже собственно моральные суждения, причем сами авторы не объясняют, каким образом произошел этот переход от сущего к должному. Надо иметь в виду, что это замечание Юма сделано вскользь, как отвлечение от основного хода его мысли, оно не было развернуто, не сопровождалось подробными комментариями, и вот эта его незавершенность, неполнота дала повод для множества разных, прямо противоположных по смыслу интерпретаций юмовской идеи. Обычное истолкование, принятое большинством теоретиков морали, состоит в том, что Юм признает логически незаконным переход от суждений сущего к суждениям должного и соответственно считает все прежние этические учения ошибочными, поскольку они совершают такой переход. Понятая таким образом юмовская идея получила в аналитической философии XX века название «гильотина Юма». Согласно другому (тоже довольно распространенному в этической литературе) истолкованию, представленному как раз в статье Рубена Грантовича, Юм не сомневался в возможности выведения должного из сущего и упрекнул моральных философов лишь в том, что они, совершая такой вывод, не указывают оснований для подобной дедукции.

Можно, конечно, спорить о том, что на самом деле имел в виду Юма, т.е. какая интерпретация его высказывания адекватна первоисточнику. Этот спор имеет смысл, если мы занимаемся историей этической мысли и нас интересует именно сам Юм, т.е. мы хотим выяснить его подлинные взгляды. Но если мы занимаемся теорией морали, то для нас важнее решить, какая из приписываемых Юму позиций верна именно в теоретическом

смысле, а какая ошибочна; в этом случае вопрос о том, какова подлинная позиция Юма, отодвигается на задний план.

Так вот, если сопоставить две отмеченные интерпретации с точки зрения их соответствия оригиналу, т.е. действительному мнению Юму, то, на мой взгляд, нет никаких оснований сомневаться в адекватности первой из этих интерпретаций. Юм совершенно определенно высказал мысль о том, что из фактологических (дескриптивных) суждений невозможно вывести суждения нормативные (прескриптивные), это ясно видно из контекста его замечания.

Я могу подтвердить сказанное ссылкой на текст «Трактата». Вот заключительная часть размышления Юма на эту тему: он рекомендует читателям сделать то, чего не делают авторы этических учений, т.е. попытаться объяснить, каким образом должное может быть дедуцировано из сущего, и выражает уверенность, что «этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы»; т.е. Юм имеет в виду, что читатели убедятся в невозможности такой дедукции и, значит, в ошибочности этических систем, которые выводят должное из сущего. Но главное, повторюсь, все же не в том, чтобы выяснить, действительно ли Юм считал именно так, а не иначе; в конце концов, Юм высказал здесь свою мысль не очень четко, и накопилась уже обширная литература, посвященная расшифровке его замечания. Главное состоит в том, что существует элементарное логическое правило, согласно которому в выводе не может быть того «материала», которого нет в посылках и, значит, суждение должного не может быть выводом из суждений сущего. Если Юм в своей критике этических учений фактически опирался на это правило, то не соглашаться с Юмом – значит подвергать сомнению саму логику, ее законы. А если Юм в действительности считал возможным выведение должного из сущего, то это означает, что он вместе со своими предшественниками совершал логическую ошибку.

Дело в том, что этическое учение представляет собой определенное рассуждение, дискурс, в котором суждения связаны логическими отношениями, последовательность суждений подчиняется определенным правилам логики. Если эти правила соблюдаются, то последующие суждения логически вытекают из предыдущих, т.е. выводы вытекают из посылок. В данном случае речь идет о правиле, согласно которому в выводе не могут появиться такие понятия и термины, которых нет в посылках. Юм впервые (и в этом, я считаю, его выдающаяся заслуга) впервые взглянул на этические тексты с точки зрения их логической архитектоники, не вникая в конкретные фразы и рассуждения, т.е. применив подход, характерный для аналитической философии XX века. Он фактически представил этическое учение как один огромный силлогизм, который включает в себя посылки и

выводы. Первая часть этической концепции – это посылки, в которых нет ни слова о должном; вторая часть – это выводы, вытекающие из посылок, и эти выводы представляют собой суждения, в которых говорится о должном или которые выражают долженствование. Поэтому Юм полагает, что суждения должного получены незаконно, вопреки правилам логики. Но если суждения о должном не является выводом из суждений о сущем, то откуда они вообще взялись? Этот вопрос был предметом споров между рационалистами и сентименталистами: первые считали источником морали (т.е. суждений должного) «разум», вторые – «чувства». Юм, доказывая, что моральные суждения не могут быть выведены из суждений сущего, полагал, что тем самым он опровергает точку зрения рационалистов и признает правоту сентименталистов.

Сам Юм не формулировал идею невыводимости должного из сущего в логически прозрачном виде, это сделали намного позже философы-метаэтики, представляющие аналитическую школу. Я, правда, не могу назвать кого-то персонально, в литературе мне не встречалось упоминаний на этот счет. Но начиная с 20-х годов прошлого века (или немного позже) ссылка на «закон Юма» стала постоянным блюдом на аналитической кухне. Философы-аналитики несколько подправили, окультурили этот «закон», привели его к четкой логической форме, и в этом виде он получил название «гильотина Юма».

Таким образом, основная мысль Юма о невозможности выведения суждений должного из одних только суждений сущего вряд ли может быть опровергнута. Но дело в том, что Юм не учел важного обстоятельства, на которое обратили внимание метаэтики и о котором пишет также Рубен Грантович в своей статье. Я имею в виду то, что долженствование в исходных посылках может быть представлено в скрытом виде, т.е. в дескриптивных высказываниях может мыслиться нормативное содержание, поэтому оно может вполне законно появиться и в выводах. Это не значит, что «гильотина Юма» ошибочна: этот принцип имеет силу в том случае, если посылки действительно не содержат нормативной интенции – ни в явном, ни в скрытом виде.

И еще: есть такая логическая структура – энтимема, которая часто присутствует и в обыденных, и в философских рассуждениях. Она встречается и у Юма, в частности в том его рассуждении, которое процитировано в статье Рубена Грантовича. В правильно построенном «практическом» силлогизме (т.е. в таком, где выводом является некоторое конкретное нормативное суждение) имеются две посылки: бóльшая, представляющая собой общее нормативное суждение, и меньшая – дескриптивная, или фактологическая. Наличие этих двух посылок является необходимым условием получения нормативного вывода. Энтимема – это «усеченный» силлогизм, т.е. такой, в котором одна из посылок (обычно бóльшая) не высказывается явно, но на самом деле интуитивно, неосознанно

мыслится и фактически участвует в рассуждении; поэтому при построении этического рассуждения по такой схеме общая нормативная посылка хотя и не высказывается явно, однако она на самом деле присутствует и обеспечивает возможность получения нормативного вывода в соответствии с законами логики. Если бы ее не было, нормативный вывод был бы незаконным. Но поскольку в тексте эта большая посылка формально не представлена, создается иллюзия, будто нормативный вывод получен непосредственно из одной только меньшей (дескриптивной) посылки. Именно эта иллюзия и лежит в основе многочисленных (и неоправданных) «опровержений» юмовского запрета на выведение суждений должного из суждений сущего.

Откуда же берется в нашем сознании большая нормативная посылка? Все мы нормативно мыслим. Общие моральные принципы и нормы не «выводятся» логически откуда-то из других посылок, они исторически формируются в обществе и усваиваются индивидами стихийно или путем целенаправленного воспитания.

Возьмем в качестве примера приведенное в статье Рубена Грантовича рассуждение Юма. В этом рассуждении присутствуют две посылки: одна, произнесенная, принятая заранее и по сути не рефлексированная нами: надо, следует действовать так, чтобы получить такой-то результат, скажем, наибольшую выгоду. Это – большая нормативная посылка. Вторая посылка: взаимодействие, сотрудничество способствует общей выгоде. Это – малая, дескриптивная посылка. Далее – нормативный вывод: Следует сотрудничать, давайте взаимодействовать. Но в самом тексте отсутствует, не упоминается первая посылка, берется только вторая: сотрудничество способствует выгоде, и уже прямо отсюда, из этой дескриптивной посылки, делается нормативный вывод. Однако такой вывод вовсе не вытекает из этой отдельно взятой посылки, здесь на самом деле задействована еще и произнесенная большая нормативная посылка. Это – простой и наглядный пример. В сложных, многоплановых рассуждениях выявить скрытую логическую структуру гораздо труднее, поэтому при чтении таких текстов нам кажется, будто суждения должного элементарно, непринужденно выводятся из суждений факта.

Вообще, «гильотина Юма», несмотря на ее формальную правильность, вовсе не сокрушает всю прежнюю этику, поскольку мало кто из философов-моралистов действительно выводил суждения должного из одних только суждений сущего; как правило, уже в исходных посылках у них незримо присутствовал ценностно-нормативный элемент.

Впрочем, если посмотреть в юмовском «Трактате» текст, предшествующий обсуждаемому фрагменту, то можно заметить, что речь идет по сути о той же проблеме выведения должного из сущего, но «выведения» не в логическом смысле: Юм утверждает,

что должное нельзя вывести из *фактов*, из *реалий* бытия, а вовсе не из «посылок». Иными словами, Юм говорит о невозможности *каузального* выведения должного, т.е. о невозможности *причинного объяснения* того, каким образом, под влиянием каких факторов в нашем сознании формируются моральные ценности. Но это уже существенно иная проблема.

В том маленьком фрагменте, который мы обсуждаем, Юм затронул именно проблему *логической* невыводимости *суждений* должного из *суждений* сущего (а не из фактов или реалий), даже не заметив, что до этого он рассматривал соотношение должного и сущего в онтологическом, эпистемологическом и психологическом аспектах. Его основная мысль состояла в том, что должное и недолжное (вернее, добродетель и порок) не находятся в объектах (т.е. в мире «сущего») и потому не могут быть познаны разумом; называя что-либо добродетельным или порочным, мы тем самым просто выражаем наши чувства одобрения или порицания. И в том обстоятельстве, что от суждений о сущем мы не можем перейти к суждениям должного, Юм видел не столько проявление законов логики, сколько подтверждение своей главной мысли – что в мире самом по себе никакого «должного» нет и потому наш разум не может, исследуя мир вещей, выявить в нем «должное», т.е. познать «различие между пороком и добродетелью». И все же беглое замечание Юма о том, что суждения о сущем не могут быть основанием для долженствовательных суждений, представляет собой маленькое *логическое «эссе»*, имеющее вполне самостоятельное значение вне и независимо от общего контекста юмовских рассуждений. Со временем «гильотину Юма» стали рассматривать как особый методологический принцип, как логический запрет, обязательный для любого этического учения, претендующего если не на «истинность» или «правильность», то хотя бы просто на осмысленность.

В качестве примера этической системы, в которой действительно из чистых фактов незаконно (т.е. вопреки логике) выводится долженствование, можно назвать гедонизм. Гедоник выдвигает дескриптивное утверждение о том, что люди более всего ценят удовольствие, что это – высшее благо для людей и т.п. Вытекает ли отсюда логически какое-либо долженствование? Очевидно, нет. И тем не менее гедонизм представляет собой определенное жизнеучение, т.е. предписывает, как надо жить.

Но если из *дескриптивного* положения о том, что стремление к удовольствию соответствует человеческой природе, делается *ценностный* вывод о том, что погоня за удовольствиями является чем-то «хорошим» (или даже «должным» в моральном смысле), то тем самым как раз и совершается ошибка, которую зафиксировал Юм. Из самой по себе констатации факта, что что-то «соответствует природе», логически не вытекает абсолютно

никакой ценностно-нормативной установки. А если и вытекает, то только в том случае, если мы заранее бездоказательно примем (постулируем) общую нормативную посылку: «Все соответствующее природе является хорошим (добрым, должным и т.п.)». В таком случае мы должны признать «хорошим» и смерть, поскольку она неотделима от человеческой природы.